

МЕТОДЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Г.И. Саганенко

СОЦИАЛЬНОЕ ВРЕМЯ КАК ЗНАЧИМЫЙ ФАКТОР ЭМПИРИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

В методологии эмпирических исследований предлагается рассматривать целый ряд принципиально значимых, глобальных факторов: «социальная реальность», «социальное пространство», «время», «исследователь», «исследовательский аппарат», «респондент» и др. При всей несомненной принципиальной значимости этих факторов, они, однако, не получили систематического изучения и места в структуре методологического знания. Для данной работы выбран фактор «социальное время», предложен более детальный анализ его. Названо около десяти коллизий, в которых «социальное время» предьявляется эмпирическим исследованиям, даны их краткая интерпретация и пояснение примерами.

Пожалуй, стоит начать с того, что работ по методологии в российской социологии очень мало — и это касается не только новой для нас так называемой качественной, «пластичной», открытой для рассуждения и интерпретации социологии, но и давно разрабатываемой формализованной, структурированной, «доказательной», количественной социологии. В эмпирической методологии внимание направлено в основном на то, чтобы описать жестко определенную, приводящую к планируемому результату логику исследования, представить классический набор из нескольких методов сбора информации, терминологию измерения и информацию о методах обработки данных [1–5]. Более того, эти описания носят преимущественно учебный характер — а именно, подаются как непроблемные, описываются чисто инструктивно, процедурно или схематично, из рассмотрения опускается вариативность решений в разных исследовательских ситуациях (например, не показывается специфика проблемы измерения и актуализации первичных данных в разных видах опроса, наблюдении, контент-анализе и др.). Из рассмотрения опускается множество принципиальных методологически значимых моментов. И время сре-

ди них — также забытая, слабо актуализированная категория эмпирической отечественной методологии.

Прежде чем обсуждать методологическую значимость времени для исследований, нужно рассмотреть более широкий контекст, в котором производится эмпирическое знание в социологии. Чтобы понимать значимость того или иного существенного фактора исследования, мы должны учитывать всю совокупность значимых «участников» («субъектов», «факторов», «параметров») исследовательского предприятия. В качестве глобальных принципиальных факторов, определяющих ход и в конечном итоге результаты эмпирического исследования, мы выделяем следующие [6; 7]:

- «социальная реальность» (в отличие от реальности, которую изучает физика, математика, химия и другие несоциальные науки);
- «эпоха на дворе» (как определяющая глобально и локально принципиальные параметры человеческого существования, состояние ума и представления в обществе, конкретные особенности жизни человека, семьи, иных социальных субъектов);
- «социальное пространство» (включает страну с ее политическим режимом, отдельный ее регион, тип поселения и непосредственно место, со всеми сопутствующими социальными характеристиками — это значимо для изучаемой социальной проблемы, эти же «пространственные моменты» сказываются и на реализации и методологии самого исследования);
- «время» (физическое, календарное, социальное);
- «сама социология» (уровень ее развития, разработанные теории и аппарат, моды и предпочтения, в ней существующие);
- «социальная проблема» (социальная коллизия или проблема, выбранная для данного исследования);
- «исследовательская проблема» (сформулированная в отношении выбранной для исследования социальной коллизии);
- «исследователь» — как лицо физическое или нормативное, как профессионал), обладающий(ие) конкретным исследовательским потенциалом;
- «инструментарий» (сюда входит достаточно широкий и разнообразный круг единиц, используемых для методического обеспечения исследования — в общем виде это все инструменты и методы для сбора и анализа информации, включая анкеты, путеводители для интервью, методы выборки, методы шкалирования количественных данных, классификации и обработки текстов, методы анализа первичных и вторичных данных и др.);
- «респондент» (если он включен в ситуацию исследования — субъект, который обеспечивает исследователя/исследование первичной информацией);
- «материальные средства» (физические, интеллектуальные, коммуникационные средства, находящиеся в распоряжении исследователя — помещения для работы, персональные компьютеры, телефоны/факсы, ксероксы и пр.);
- «финансовые средства» (те самые деньги, которые, как это ни досадно, во многом регулируют многие параметры наших исследований).

Безусловно, ряд факторов этим не ограничивается.

Все это в целом говорит еще и о том, что конкретное исследование проводится здесь, сейчас, руками данного исследователя/исследовательской команды, при

определенном количестве денежных средств, материальных ресурсов и пр. Каждая названная здесь позиция требует систематического анализа, что предполагает, однако, большую аналитическую работу и публикацию другого жанра. Для данной статьи мы выбрали методологический сюжет, связанный лишь с проблемой социального времени.

Мы не беремся операционально определять эту методологическую категорию или методологический образ. Видимо, «время» — это то, что имеет отношение к актуальной социальной реальности, «эпохе, которая стоит на дворе», специфическим глобальным параметрам ситуации в мире, регионе, стране, городе, событиям, которые наполняют эту реальность. Это то, что, можно сказать, относится к «духу эпохи», однако необязательно глобального масштаба. «Время» — это и общая, и более конкретная ситуация, как бы «привязанная» к более конкретным календарным годам, месяцам и даже датам.

Проанализировав ряд отечественных и западных учебников по общей социологии, я прихожу к выводу, что социология имеет специфические отношения с «социальной реальностью» — «социальная реальность» используется социологией фактически лишь для пояснения социологических пассажей и не особенно ей нужна [8]. Можно написать десятки и сотни страниц по «нормативной» социологии и обойтись даже без упоминаний какой-то живой проблемы или ситуации [9–11]. Возникает вопрос — общество существует для того, чтобы служить иллюстрацией к социологическим разделам, или социология существует для того, чтобы изучать реальное общество? В принципе получается, что общая социология — это своего рода лишь методология изучения общества, а не изучение самого общества. В общей социологии мы как бы видим более или менее хорошую «департаментизацию» общества, обоснование его главных «измерений», некоторую методологию их социологического анализа, отдельные примеры.

Не менее интересные результаты дает анализ проблем «социальной реальности» и «социального времени» в литературе по методологии и методам социологического исследования. За последние тридцать лет, хотя ситуация в нашей стране менялась принципиально, в рассмотрении методологической проблематики мало что менялось по существу. Это в основном процедурное описание «нормативного» эмпирического исследования. Появившаяся огромная масса свежих учебников с нормативной главой по методологии эмпирического исследования еще больше усиливает это впечатление [9–11]. В традиционной методологии получается, что научные разработки как будто вершатся на небесах и определяются только формальной логикой эмпирического исследования. Да и «качественная» перспектива в социологии, которая дошла и до наших российских эмпирий, затронула, иногда прямо, иногда косвенно, лишь некоторые из обозначенных далее коллизий. Мы перечислили и кратко пояснили некоторый ряд, как нам кажется, существенных методологических факторов эмпирического познания, которые, однако, оказались слабо актуализированными категориями эмпирической методологии.

Методология фактически не подвергла осмыслению «социальное время» в качестве «методологического участника» исследования (хотя, признаюсь, что западную литературу знаю мало, там несомненно можно было бы обнаружить подходящий материал.

Время, как нам представляется, является значимым участником исследовательского процесса и выступает в нескольких методологических амплуа. Ниже мы рас-

смотрим только «социальное время», оставив до лучших времен осмысление календарного и физического времени в качестве факторов, определяющих методологию эмпирического исследования в социологии.

- Каждое социальное время имеет свою «содержательную фактуру», свои принципиальные компоненты (и тем самым определяет множество совершенно новых по типу и по содержанию исследовательских задач для эмпирической социологии). Уходят в небытие одни, меняются по сути другие, приходят третьи значимые социальные компоненты и состояния. Так, в России в настоящее время исчезли такие социальные коллизии, как социалистическое отношение к труду, тотальный престиж в обществе науки и научных профессий, исчез массовый спорт, пришла проблема терроризма, стремительно расползается наркомания, появляются зачатки гражданского общества и происходит множество других актуальных перемен. Соответственно, в новейшее время «полетели» наработанные опыт и методики по социалистическому соревнованию, социально-психологическому климату трудовых коллективов, управлению научно-техническим прогрессом, образу жизни, жилищи-2000 и многое другое — наверное, не дрогнула только «нетленка», изучение общественного мнения. Вообще «полетели» целые исследовательские коллективы и в определенной степени именно из-за неадекватности своего научного направления предметной специфике социального времени.

- Появились новые привлекательные и значимые для исследования социальные коллизии. В принципе исследование должно учитывать «дух эпохи», который носит глобальный или более локальный характер по отношению к проблеме и месту ее изучения. Так, пятнадцать лет назад проблему демократизации или рыночных отношений в России изучать было, конечно, можно, но лишь как изысканную задачку для интеллектуалов. Разве можно было представить, что таких «недевиантных» исследователей, как Л. Кесельман или Г. Саганенко, будет «искушать» проблема наркомании — удастся ли оценить степень ее распространенности сейчас, степень понимания ее людьми, осознания ее близости к каждому члену в обществе [12]. До сих пор не только рядовые российские граждане, но и профессиональные социологи плохо, понимают, что по сути своей представляет собой гражданское общество, что тут можно изучать, и потому трудно ожидать, что вскоре эта проблематика появится в эмпирических исследованиях в каких-то внятных и эвристических формах.

- «Ситуация на дворе» меняет возможность получать объективную информацию. В частности, стали трудными некогда безобидные опросы, снизилась доступность и качество государственной статистики и др. Социальное время меняет отношение людей к участию в исследованиях. В частности, в России в прежние времена это участие определялось «законопослушностью» граждан, санкционированной поддержкой партийных органов, дешевизной рабочего времени, лояльностью администрации и др., затем с перестройкой появились активность и желание граждан своим участием в опросах внести свой вклад в осмысление социальных процессов (так, на анкету ВЦИОМа о параметрах жизненной ситуации, опубликованную 1987 г. в «Литературной газете», в редакцию газеты пришло свыше 100 тысяч ответов; годом позже в Ленинграде с ответами на опубликованную в двух газетах анкету «Жилище-2000» пришло свыше 12 тысяч писем), а ныне, думается, у людей скорее равнодушное отношение к любым опросам, однако в целом преодолеваемое при помощи материального стимулирования.

- Социальное время присутствует в исследованиях своим темпом, динамикой общественной жизни, определяя и сроки социального исследования. Так, стабильное общество позволяет на разовые исследования отводить по 5–10 и даже более лет. В свое время мы могли потратить семь лет на обработку, анализ и описание эмпирического материала от 1972 г., отдать исследованию «Саморегуляция и прогнозирование поведения личности» около десяти лет интенсивной работы. Значительное число лет занимали исследования Т. Заславской, Б. Грушина, И. Левыкина и ряд других [13–15]. В стабильной ситуации в обществе исследования можно повторять на протяжении длительного промежутка времени (так в 1975 г. мы в целом повторили методику 1962 г. и могли бы в 1981–1982 г. реализовать третью панель этого знаменитого в стране проекта «Человек и его работа» [16], чего, однако, не произошло из-за той самой специфики социального времени — партийные органы не дали напечатать даже тираж анкеты).

Галопирующая нынче ситуация в России стремительно лишает значимости каждое отдельное разовое исследование. Например, данные об отношении к политическим партиям, полученные в 1995 г., мало что значат для читателя в 1999 г., когда наконец удастся опубликовать статью. Нынешняя ситуация в России — в целом непростая для изучения и тем самым требующая значительного времени на осмысление эмпирического материала, однако та же самая изменчивость общественной ситуации требует и все более коротких сроков на реализацию исследования. Многие ученые преодолевают эту проблему по-разному — переходят на повторные, серийные, лонгитюдные и иные систематические исследования.

- Социальное время присутствует в исследовательской методологии в макропараметрах — в политическом строе и экономической состоянии страны, в которой живет исследователь. В свое время мы должны были получать в обкомах, райкомах разрешения на проведение исследования, тиражирование анкеты, публикацию материала. Одни темы были запрещены, другие навязывались. Отсутствовали какие бы то ни было возможности совместных исследований с зарубежными коллегами. Естественно, корректировались методики опроса. С другой стороны, нынешний «экономический беспредел» в стране не позволяет сейчас браться за сложные проекты.

- Социальное время определяете систему организации науки. Раньше в нашей стране эта система была другой — исследователи «сидели на бюджете», работали коллективами в структуре секторов, не торопясь могли разворачивать крупномасштабные эмпирически базированные исследования. Это отмечает и Р. Рывкина в своем эссе о ситуации в российской социологии [17]. Ныне, как представляется, утрачена масштабность и глубина исследований, зато появилось определенное разнообразие в тематике и подходах.

- Нынешняя эпоха открыла для отечественного исследователя гранты и программы отечественных и зарубежных фондов, позволила состояться многим исследованиям и исследователям, помимо всего прочего обеспечила значительную независимость исследователя от институтского начальства и патронажа «институциональной» социологии.

- Конкретное время присутствует в исследовании в виде тех технических и коммуникационных достижений, которыми характеризуется каждая эпоха. К настоящему времени это, в частности, персональные компьютеры, электронная по-

что, интернет, электронные каталоги библиотек, электронные журналы, множительная техника — ксероксы, ризографы и пр. Это дает множество замечательных возможностей, исследователю, интенсифицирует интеллектуальный труд, снимает былую зависимость исследователя от разных вспомогательных служб. Несомненно, техника, оказавшись прямо на рабочем столе, усилила возможности методической выверенности исследования, принципиально изменила «контактность» исследователя со своим «детисцем», исследованием. Появилась возможность знакомиться с самыми последними достижениями мирового социологического сообщества, без труда заглядывать в любые интересующие вас сферы. Все это обеспечивает перспективы теоретического продвижения в методологических разработках и проводимых исследованиях.

- Социальное время отражено в самом уровне развития социологии. В нашей науке появляются новые объяснительные теории, разрабатываются новые методы, осваиваются новые технологические возможности, создается новое программное обеспечение. В последние десятилетия мы наблюдаем все более мощное звучание гуманистической ноты, расширение области исследований и обращение социологов к множеству принципиально новых аспектов социальной жизни, распространение качественного подхода и др. В социологии, кроме того, на разных этапах социального времени, существуют свои институциональные моды, предпочтения, заблуждения (в свое время в стране увлекались изучением престижа профессий у школьников или жизненных планов молодежи, затем тотальной стала проблематика образа жизни или социальной структуры, была мода на многомерные методы, теорию измерения, сейчас модной стала «российская элита»). По временам наше научное сообщество испытывает серьезный прессинг отдельных научных направлений (бихевиоризма, функционализма, материализма).

- Социальное время меняет взаимоотношения социологии с другими отраслями знания, в частности, с психологией, экономикой, политикой, историей. В частности, в последнее время в нашей стране методология социологических исследований пополнилась маркетинговыми исследованиями из области экономики, психологические проблемы общества и развивающаяся прикладная деятельность психологов усилили актуальный интерес социологии к психотерапевтическим методам, к прикладным программам и пр.

- Социальное время в России сменило экономику (а с ней и методологию) эмпирических исследований, поделило исследования на коммерческие и фундаментальные, престижные и непрестижные. Интерес к поведению доллара на российском рынке стал актуальным не только для российских бизнесменов и российских граждан, но и в оценке стоимостных показателей социологического исследования. Знание компьютера, азов телефонного интервью, полиграфическая культура и ряд других быстро осваиваемых современных возможностей ныне позволяют «технически образованным мальчикам» открывать независимые исследовательские центры, оперативно и смело производить «информационные социологические продукты», коммерциализировать доступ к статистическим базам с демографическими параметрами населения и т.д.

- Социальное время проявилось в нынешней российской социологии ошутимым давлением западных стандартов в практике проведения эмпирических исследований. В частности, наблюдается неоправданная методически широкая распрос-

траненность стандартизированного интервью (кроме декларативных заявлений, я не встречала серьезных доказательств преимуществ этого метода, хотя бы простейшей оценки устойчивости его данных), неоправданная социально (из-за криминальной ситуации в городах), методически (потеря анонимности респондента) и экономически (высокая стоимость исследований) распространенность опросов на дому, порождающих массу скрытых смещений.

- Социальное время изучается непосредственно в отдельных типах исследований (часть которых совсем недавно вошла в «содержательный» и методический арсенал мировой социологии) — исследования биографического типа «life story», «oral history», да и «case study» обнаруживают множество примет конкретного социального времени. Кстати, на авансцене российской социологии появились новые типы исследований, про которые мы раньше не знали и на которые не могли ориентироваться в своих творческих поисках — например, «устная история» или «фокус-группа» лишь недавно стали входить в исследовательскую практику российских социологов.

- Наверное, в этом контексте надо упомянуть и обусловленные временем изменения в системе воспроизводства науки — в социологическом образовании, что, несомненно, сказывается и на методологии исследований, меняется соотношение представленных в научной сфере моделей дипломированных специалистов. Все, что относится к переменам в науке, отражается в конечном итоге и на процессе преподавания, в частности, на обучении методологии и методам исследования. Несомненно, существует, особенно в нынешнее динамическое время, проблема отставания образования от науки и социальной жизни (учат тому, что было актуальным «вчера», или, наоборот, учат по наспех составленным курсам, по которым надо бы годы набирать материал и методологию преподавания).

Календарное и физическое время в социологических исследованиях требует самостоятельного анализа, однако назовем здесь некоторые моменты, не углубляясь в рефлексию по их поводу:

- Физическое время и его физическая суточная и «календарная» распределенность присутствует в социологии в содержании самостоятельных типов исследования, полностью посвященных структурам распределения времени — суточные бюджеты времени индивида, бюджеты того или иного времяпрепровождения — рабочего времени, телесмотрения или радиослушания и т.п.

- Время присутствует в опросниках, интервью в виде некоторых временных параметров жизни изучаемого/отвечающего человека — его возраста, стажей его деятельности, длительности проживания в каком-то месте и пр.

- Время присутствует в исследовании как физическое время — определенное количество дней, недель, месяцев или лет, которые планируются на реализацию конкретного исследования, определяя темп реализации этапов и глубину исследования в целом.

Несомненно, можно найти и другие свидетельства значимости социального времени на методологию и методы исследований, на систему обоснований конкретного эмпирического проекта. Представленный материал, посвященный методологической нагруженности фактора времени, прежде всего социального времени, показывает множественность влияний, которые фактически испытывает исследование и исследователь в реальной исследовательской практике. Полезность такого рода

представлений видится в том, что расширяется наше понимание познавательных возможностей социологии, эвристического потенциала разных типов исследований и дополнительно открывается для исследователя богатство исследовательских ситуаций.

Литература

1. Ядов В.А. Методология и процедуры социологического исследования. Тарту, 1968.
2. Здравомыслов А.Г. Методология и процедура социологических исследований. М.: Мысль, 1969.
3. Рабочая книга социолога. М.: Наука, 1976 (2-е изд. 1983).
4. Как провести социологическое исследование. М.: Политиздат, 1985.
5. Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. М.: Добросвет, 1998.
6. Саганенко Г.И. Эмпирическое познание в социологии // Социология — 4М. 1998. Т. 10.
7. Саганенко Г.И. Уровни эмпирической доказательности в социологии (дисс. на соиск. уч. ст. докт. социол. наук в форме научн. докл.). М.: ИСАН, 1991.
8. Saganenko G. Global Sociology in a/the Handbook (review of book: John J. Macionis, Ken Plummer. Sociology: a Global Introduction. Prentice Hall Europe, 1998. 738 p.) // International Sociology. 2000. Vol. 15. № 2. (на рус. яз.: Саганенко Г.И. Глобальное введение в социологию // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. № 2.)
9. Социология. Основы общей теории. Учеб. пособие / Под ред. Г.В. Осипова и др. М.: Аспект Пресс, 1996.
10. Радугин А.А., Радугин К.А. Социология. М.: Центр, 1997.
11. Социология / Под ред. В.Н. Лавриненко. М.: Культура и спорт, 1998.
12. Кесельман Л.Е. Социальные координаты наркотизма. СПб.: СПб ИС РАН, 1999.
13. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / Под ред. В.А. Ядова. Л.: Наука, 1979.
14. Массовая информация в советском промышленном городе / Под ред. Б. А. Грушина, Л.А. Ониква. М.: Политиздат, 1980.
15. Методологические проблемы социологического исследования мобильности трудовых ресурсов / Под ред. Т.И. Заславской. Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1974.
16. Человек и его работа. М.: Мысль, 1967.
17. Рывкина Р. В. Парадоксы российской социологии // Социологический журнал. 1997. № 4.